

ОРИГЕНЪ КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ ¹⁾.

Хотя въ бесѣдахъ Оригена, такъ же какъ и въ комментаріяхъ, содержится изъясненіе св. Писанія; но есть различіе между тѣмъ и другимъ родомъ сочиненій: въ комментаріяхъ преобладаетъ характеръ ученый, а бесѣды писаны собственно для назиданія народа. На это различіе указываетъ самъ Оригенъ, въ VII бесѣдѣ на книгу Левитъ: «служеніе, которое мы исполняемъ въ эту минуту, имѣетъ предметомъ не столько толкованіе Писанія, сколько назиданіе вѣрующихъ: это однакожь не помѣшаетъ внимательному слушателю находить въ нашихъ словахъ вѣрный путь къ уразумѣнію священнаго текста». Какъ бы то ни было, впрочемъ, но эти бесѣды составляютъ истинное сокровище церковнаго краснорѣчія; потому-что по нимъ мы можемъ судить о формѣ и тонѣ евангельской проповѣди въ III вѣкѣ.

Оригенъ былъ удивительно способенъ къ проповѣдническому служенію. Ясный выговоръ, богатое воображеніе, симпатичный и проникающій прямо въ сердце голосъ, благочестивая ревность,—все соединялось въ этомъ мужѣ для того, чтобы его бесѣды имѣли прелесть и интересъ. Такимъ образомъ не трудно объяснить то живое впечатлѣніе, которое онѣ производили на слушателей. Будучи міряниномъ, Оригенъ не проповѣдывалъ въ Александріи; по крайней мѣрѣ извѣстно, что епископъ Димитрій не позволялъ Оригену восходить на

¹⁾ Origene, par Gréppel; tom. II. pag. 186—205.

каедру, даже въ то время, когда онъ былъ уже въ санѣ пресвитера. Менѣе скрупулезные, чѣмъ Димитрій, епископы Палестины предоставили Оригену право проповѣдывать слово Божіе, для назиданія народа; но ужасная буря поднялась по случаю предѣставленія ему этой чести. Не смотря однакожь на всѣ гоненія, Оригенъ до конца своей жизни не переставалъ служить дѣлу проповѣди. Гдѣ онъ ни жилъ, въ Кесаріи ли, или въ Іерусалимѣ, или въ другомъ мѣстѣ, епископы всегда обращались къ нему съ просьбою—изъяснить Писаніе для назиданія народа; и Оригенъ исполнялъ ихъ просьбу съ величайшею готовностію и величайшимъ искусствомъ: Въ III бесѣдѣ на Левитъ, произнесенной послѣ 245 года, Оригенъ говоритъ о своемъ проповѣданіи, какъ о такомъ дѣлѣ, которымъ онъ уже давно занимается. И въ самомъ дѣлѣ, въ это время прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ проповѣдывать. Впрочемъ, по свидѣтельству Евсевія ¹⁾, онъ только въ 60-хъ годахъ своей жизни позволилъ скорописцамъ собрать свои слова и бесѣды. Такая скромность была причиною потери большей части его бесѣдъ. Онъ не всегда записывалъ проповѣди, но по большей части говорилъ ихъ безъ приготовленія; да это иначе и не могло быть, потому-что онъ, по свидѣтельству Памфила, говорилъ проповѣди почти каждый день. 186 бесѣдъ, оставшихся отъ него, могутъ дать намъ только самое неполное понятіе объ его ораторской дѣятельности. По словамъ Іеронима, въ его время, т. е. въ V вѣкѣ, извѣстно было болѣе 1000 бесѣдъ Оригена, слѣд. говорено было Оригеномъ еще большее число ²⁾.

Церков. проповѣдь, какъ извѣстно, имѣла двѣ формы: слово и бесѣду. Въ Александріи, и вообще на всемъ востокѣ, въ наибольшемъ употребленіи былъ гомилетическій образъ

¹⁾ Hist. VI, 36.

²⁾ Ep. 84 ad Pammach.

проповѣданія, какъ менѣе искусственный, и слѣд. болѣе доступный пониманію народа. Въ то время, точно такъ же какъ и теперь, чтеніе отрывка изъ священныхъ книгъ составляло части богослуженія; и этому обычаю христіане, по свидѣтельству Оригена, приписывали апоостольское происхожденіе ¹⁾. По прочтеніи Писанія, ораторъ изъяснялъ предстоящимъ священные слова, слышанныя ими это собственно и называлось «бесѣдой». Оглашенные присутствовали во храмѣ во время проповѣди вмѣстѣ съ вѣрующими, и имѣли право стоять до конца оной. Въ VII бесѣдѣ на евангелиста Луку Оригенъ прямо обращается къ нимъ, когда говоритъ: «кто васъ соединилъ съ церковію, оглашенные? Кто расположилъ васъ оставить ваши дома для того, чтобы придти въ это собраніе? Не мы проникали въ ваши жилища, дабы звать васъ, но всемогущій Отецъ, который невидимою силою возбудилъ эту ревность въ вашей душѣ... Что касается продолжительности бесѣды, то она необходимо должна была разнообразиться, смотря по длинѣ или важности библейскаго отрывка, который служилъ темою проповѣди. Есть такія бесѣды у Оригена (какъ напримѣръ первая на книгу Царствъ), которыя могли быть произнесены не менѣе какъ въ часъ; но произнесеніе большей части бесѣды требовало получасоваго времени. Вообще надобно сказать, что длинныя проповѣди не очень нравились народу; и это заставляло Оригена сокращать свои бесѣды и дѣлать пропуски: такъ напримѣръ онъ не рѣшился объяснить всей пѣсни Девворы, потому что, какъ говорить онъ, тѣ, кои приходятъ въ церковь, любятъ краткія бесѣды ²⁾. Словомъ, онъ иногда ограничивается собраніемъ въ которыхъ цвѣтовъ на полѣ Писанія вмѣсто того, чтобы дѣлать совершенную жатву.—Есть въ бесѣдахъ Ори-

¹⁾ Jn Jos. IV.

²⁾ Jn Jos. VI.

гена указаніе и на то, что онѣ произносились не только съ вѣдома епископа, но и по его распоряженію. «Епископъ, говоритъ онъ въ XIII бесѣдѣ на Іезекііа, повелѣваетъ намъ изъяснять слова касательно царя тирскаго; онъ желаетъ также, чтобъ мы сказали что-либо о Фараонѣ царѣ египетскомъ».

Эти данныя имѣють живой интересъ для церковнаго краснорѣчія; потому что бесѣды Оригена представляютъ самое древнее извѣстіе о церковной проповѣди, какое можно найти въ христіанской литературѣ. Онѣ переносятъ насъ въ сердце III-го вѣка, котораго религіозная и нравственная жизнь отображается здѣсь съ разными частностями, относящимися къ благочестію и дисциплинѣ. Отсюда мы узнаемъ, что въ древности проповѣдывали во всѣ воскресные и праздничные дни, а также въ среду и пятокъ, потому что эти дни, по древнему преданію, почитались днями поста. Кромѣ того изъ твореній Оригена можно заключать, что по крайней мѣрѣ «ему» приходилось говорить проповѣди почти каждый день; ибо въ XIII бесѣдѣ на книгу Числъ онъ припоминаетъ слова, сказанныя на всенощномъ бдѣніи. Въ XI бесѣдѣ на книгу Бытія онъ дѣлаетъ выговоръ тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые не иначе приходятъ въ церковь, какъ только въ дни праздничные, пренебрегая такимъ образомъ болѣе частымъ слушаніемъ слова Божія — Весьма живое и сильное впечатлѣніе производили на вѣрующихъ эти частыя бесѣды, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей краснорѣчивой тирады проповѣдника:

«Не должны ли мы печалиться и скорбѣть, видя, что вы не приходите слушать слово Божіе, что вы проводите въ церкви едва дни праздничные, и притомъ не столько изъ желанія внимать священному слову, сколько привлекаемые торжественностію, и подъ предлогомъ доставить себѣ нѣчто въ родѣ публичнаго отдыха? Послушайте, что говоритъ Господь:

«мѣра пшеницы должна быть раздѣляема каждому во время». Гдѣ же и когда я найду время, которое вамъ прилично? Самую большую часть вашего времени,—я долженъ бы сказать: почти все ваше время,—вы проводите на мѣстахъ публичныхъ, въ занятіяхъ мірскихъ, или посвящаете на торговлю. Одни—на своемъ полѣ, другіе ведутъ свой процессъ; что касается слова Божія, то никто объ немъ не заботится, или по крайней мѣрѣ мало такихъ, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы придти сюда для слушанія проповѣди. Но для чего жаловаться на занятія, въ которыя вы погружены? Для чего жаловаться на отсутствующихъ? Хотя вы и присутствуете въ церкви, но не болѣе ихъ внимательны; рабы привычки, вы отвращаетесь отъ слушанія слова Божія и объясненія священнаго текста. Я боюсь, чтобы Спаситель не обратился также и къ вамъ съ этимъ словомъ пророка: «они обращаютъ хребтъ, вмѣсто того чтобы предстать Мнѣ лицомъ». Что же буду дѣлать я, который долженъ возвѣщать вамъ слово Божіе? Вамъ читаются таинственные слова; надобно снять съ нихъ покровъ аллегорій, и проникнуть глубже. Но какое средство преподать перлы священнаго слова глухимъ, закрывающимъ уши» ¹⁾?

Эта картина не очень была лестна для слушателей, къ которымъ обращался Оригенъ; и трудно представить, чтобы христіане, истинно ревностные къ частому посѣщенію богослуженія, могли навлечь на себя столь жесткій упрекъ. Говоря немного далѣе о тѣхъ, которые по нерадѣнію не хотятъ принимать участія въ собраніи вѣрующихъ и присутствовать при проповѣди, ораторъ восклицаетъ: «скажите мнѣ вы, которые приходите въ церковь только въ дни праздничные, развѣ другіе дни не такъ же дни Господни? Предо-

ставьте іудеямъ обычай замѣчать только нѣкоторые рѣдкія торжества. Христіане каждый день вкушаютъ плоть агнца, такъ сказать—плоть слова Божія., каждый день вы приглашаетесь приблизиться къ источнику, дабы, подобно Ревекѣ, почерпнуть изъ него воду слова Божія. Эти слова ясно даютъ знать, что Оригенъ проповѣдывалъ во все дни, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ времени, когда онъ изъяснялъ книгу Бытія въ собраніи вѣрующихъ. Это наконецъ указываетъ на извѣстный порядокъ въ его бесѣдахъ, который представляютъ истинный курсъ изъясненій священнаго Писанія, предлагаемый народу. Неутомимый ораторъ избиралъ тему своихъ наставленій книгу ветхаго или новаго завета, и не переставалъ объяснять ее до тѣхъ поръ, пока не проходили отъ начала до конца. Кажется даже, что Оригенъ не имѣлъ обычая прерывать курсъ своихъ бесѣдъ въ дни великихъ торжествъ, когда онъ могъ имѣть предметъ, повидимому, болѣе близкій къ обстоятельствамъ. Мы можемъ заключать объ этомъ изъ V бесѣды на Исаію, которую онъ произносилъ среди великаго стеченія народа, въ день великой пятницы. Эта метода представляла многія выгоды; потому что посвящала въ тайны священнаго Писанія тѣхъ, кои часто и прилѣжно слушали слово Божіе при богослуженіи; и слѣд. можно пожалѣть, если она рѣдко употребляется нашими проповѣдниками.

Посмотримъ теперь, какому плану слѣдовалъ Оригенъ въ своихъ бесѣдахъ. Такъ какъ каждое мѣсто св. Писанія могло содержать въ себѣ различные предметы, то недостатокъ единства въ бесѣдахъ долженствовалъ быть почти неизбѣжнымъ. Ораторъ развивалъ догматическія или нравственныя истины, по мѣрѣ того какъ священный текстъ представлялъ ему случай. Возьмемъ наприм. 1-ю бесѣду на книгу Царствъ, гдѣ говорится о рожденіи Самуила. Она была произнесена въ Іерусалимѣ, потому что заключаетъ въ себѣ

ясный намекъ на епископа этого города. Ничего нѣтъ лучше, какъ вступленіе ея, гдѣ Оригенъ извиняется, что не имѣетъ тѣхъ качествъ, какія вѣрные Іерусалима привыкли уважать въ своемъ архипастырѣ.—Сравнивъ церковь съ полемъ, гдѣ растутъ различныя деревья, изъ которыхъ одни производятъ сладкіе плоды, а другія горькіе, несмотря на то, что каждое доставляетъ свое удовольствіе и свою пользу, проповѣдникъ обращается къ слушателямъ съ слѣдующимъ предостереженіемъ:

«Не ищите въ насъ того, что вы имѣете въ папѣ Александрѣ. Мы сознаемъ, что онъ превосходитъ насъ своею благостію и своею кротостію; я не одинъ прославляю эти качества; всѣ вы знаете объ нихъ изъ опыта, всѣ объ нихъ свидѣльствуете. Но въ нашихъ плодахъ, мы сознаемъ это, есть извѣстная горечь или, лучше сказать, они кажутся таковыми; ибо выговоръ, какъ бы ни былъ горекъ, можетъ сдѣлаться сладкимъ, если слѣдствіемъ его будетъ желанная перемѣна».

Дабы оправдать этотъ суровый тонъ своихъ проповѣдей, Оригенъ ссылается на примѣръ Спасителя, который, называя однихъ блаженными, не опускалъ говорить другимъ «горе вамъ, преступающимъ заповѣди!» Св. Павелъ такъ же не всегда употреблялъ одинъ и тотъ же языкъ; онъ вооружался рожденіемъ, когда кротость не представляла желаннаго результата. Потомъ духовный ораторъ проводитъ параллель между своей манерой проповѣданія и манерой епископа іерусалимскаго, который, безъ сомнѣнія, присутствовалъ при его проповѣди.

«Я сказалъ вамъ объ этомъ въ началѣ, ибо знаю, что вы привыкли къ сладкому и пріятному слову вашего отца, тогда какъ растенія нашей плантаціи нѣсколько горьки на вкусъ. Но я надѣюсь, что вы ихъ обратите въ спасительное средство. Между лѣкарствами есть и сладкія, но тѣ, кои

посильнѣе, бываютъ часто горьки; не смотря на то всѣ имѣютъ свое относительное достоинство, когда принимаются мѣрою и во-время».

Послѣ этого приступа, внушеннаго обстоятельствами, Оригенъ кратко рассказываетъ начало первой книги Царствъ. Прервавъ вдругъ это повѣствованіе, онъ непосредственно пускается въ аллегорическое изъясненіе, дабы найти подъ простой и нагой буквой цѣлый рядъ нравственныхъ наставленій. «И бысть человекъ отъ Армаема. Почему сказано: «человекъ»? спрашиваетъ утонченный толкователь. Потому что слово Божіе разумѣть не всѣхъ насъ, рабовъ грѣха, а одного праведника. Мы постоянно переходимъ отъ скорби къ радости, отъ безпокойства къ спокойствію, отъ заботъ о нашихъ, духовныхъ интересахъ къ исканію богатствъ и славы. Дискъ луны не такъ измѣнчивъ какъ наше сердце, предающееся безчисленнымъ страстями въ немъ дѣйствующимъ. Одинъ праведникъ всегда тотъ же; онъ участвуетъ въ божественной неизмѣняемости; въ немъ одна мысль; одно чувство, одна воля; кратко—совершенное единство какъ въ его лицѣ такъ и въ его жизни». Конечно, это идея прекрасная, хотя текстъ очень мало благопріятствовалъ развитію оной. Пророкъ и продолжаетъ въ этомъ тонѣ. «И бысть человекъ отъ горы Ефрема. Итакъ праведникъ не изъ долины, не изъ какого либо другаго низменнаго мѣста, но нисходитъ съ горы, съ высотъ, гдѣ присутствуетъ Богъ. Высоты, съ которыхъ нисходитъ праведникъ, богаты плодами. Праведникъ, о которомъ говоритъ Писаніе, называется «Элкана», а элкана значитъ «владѣніе Божіе». Дѣйствительно; человекъ, который не раздѣляется съ самимъ собою, который состоитъ въ единствѣ добра этотъ человекъ есть владѣніе Божіе, а не демоновъ. Писаніе прибавляетъ, что Элкана имѣлъ двухъ женъ Акину и Оенеллу. Но не будемъ останавливаться на

поверхности текста. Ененелла значить «обращение», а Анна— «благодать». Кто хочет сдѣлаться владѣніемъ Божиимъ, тотъ долженъ соединить этихъ двухъ супруговъ, и достигать обращенія, къ добру посредствомъ благодати. Плодами этого двойнаго духовнаго брака будутъ дѣла правды и свѣтости».

Изъ того, что мы сказали, вы видите уже, какимъ путемъ Оригенъ имѣлъ обыкновеніе слѣдовать въ своихъ бесѣдахъ. Безъ всякаго напередъ обдуманнаго плана, и не принуждая себя къ какому-либо строго опредѣленному раздѣленію, онъ изъяснялъ св. Писаніе стихъ за стихомъ, стараясь извлечь изъ него все, что предположилъ извлечь, будетъ ли то смыслъ буквальный, или смыслъ мистическій. Часто онъ прерываетъ себя, и проситъ слушателей соединить свои молитвы съ его молитвами, для того чтобы ему возможно было достигнуть уразумѣнія какого-либо труднаго мѣста. И, что особенно замѣчательно, онъ всегда старался обратить вниманіе слушателей на ихъ собственное состояніе нравственное. Вотъ почему у него такъ часто встрѣчаются апострофы, которые прямо обращены ко всему собранію, и которые въ то время давали его бесѣдамъ болѣе жизни, и энергія. Безъ этого непосредственнаго общенія оратора съ слушателями, бесѣда часто была бы похожа на простой комментарий библейскаго текста. Что касается заключеній гмелѣхъ словъ, коими Оригенъ оканчиваетъ свои бесѣды, то они довольно просты; они ограничиваются обыкновенно молитвой, или краткимъ нравственнымъ приложеніемъ. Такъ напр. IX бесѣду на книгу Бытія проповѣдникъ заключаетъ слѣдующими словами:

«Потомство Авраама наконецъ займетъ владѣнія своихъ противниковъ. Но къ чему послужитъ это, что сѣмя Авраама, являясь Христомъ, покоритъ вражескія области, если мой градъ не имѣетъ участія въ Его наслѣдіи? Если въ жилищѣ моей

души, которая есть градъ великаго царя, не исполняются ни Его законы ни Его постановленія? Къ чему послужить то, что Христосъ побѣдилъ весь міръ и овладѣлъ укрѣпленіями своихъ враговъ, если не побѣждены Его враги въ моей душѣ, если не разрушенъ законъ моихъ членовъ, который противится закону ума моего и дѣлаетъ меня рабомъ грѣха? Постараемся же доставить Христу побѣду надъ Его врагами въ нашемъ тѣлѣ и нашей душѣ, дабы, послѣ побѣды надъ этими врагами, Онъ овладѣлъ градомъ нашей души. Тогда мы раздѣлимъ съ Нимъ славу сіяющую какъ звѣзды неба; тогда и мы получимъ благословеніе Авраама чрезъ Христа, нашего Спасителя, которому честь и слава во вѣки вѣковъ, аминь».

Эта формула заканчиваетъ почти всѣ бесѣды Оригена; если она иногда опускается, то это для того, чтобы поставить на мѣсто ея другую подобную.

Послѣ описанія внѣшнихъ формъ проповѣданія, стараемся проникнуть въ духъ его.—Оригенъ разсматриваетъ христіанство какъ самое сильное и глубокое начало жизни, которое должно развиваться во всей дѣятельности человѣка, возвышать оную и усовершенствовать. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаетъ ученикамъ евангелія о святости ихъ званія, и въ своихъ бесѣдахъ ведетъ постоянную войну со всѣмъ тѣмъ, что можетъ омрачить чистоту души, созданной по образу Божію и воссозданной Христомъ. Касаясь этого предмета, онъ иногда выражается очень строго, даже сурово. Но подобная суровость языка не имѣетъ ничего страннаго въ человѣкѣ, которому его строгіе нравы давали полное право обличать пороки своихъ современниковъ. Враги Оригена хотѣли видѣть гордость и злобу въ нѣкоторыхъ его выраженіяхъ; гдѣ онъ сильно возстаетъ противъ гордыни и честолюбія епископовъ своего времени; но на самомъ дѣлѣ

здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ чувствованій благочестиваго пастыря, который смотрѣлъ на духовную власть какъ на служеніе, если можно такъ выразиться, а не какъ на свѣтское владычество ¹⁾. Въ XI бесѣдѣ на Іеремію онъ не побоялся высказать эту мысль предъ народомъ, по случаю изъясненія текста: *cleri eorum non proderunt eis*; и хотя онъ не принимаетъ словъ пророка въ буквальный смыслъ, но урокъ, который онъ беретъ отсюда, нисколько не теряетъ своей справедливости:

»Эти слова могутъ быть полезны какъ вамъ такъ и намъ, если мы внимательно размыслимъ о томъ, что написано. Они полезны намъ, которые приставлены въ вамъ въ этомъ свѣтѣ, столь желанномъ для многихъ. Итакъ знайте, что клиръ не спасается самъ собою, что есть священники, которые погибаютъ, какъ есть и мірскіе, которые достигнуть блаженства. Есть въ клирѣ люди, кои живутъ вовсе не для того чтобы приносить пользу ближнимъ и сдѣлать честь своему званію; и нѣкоторые толкователи по праву приложили къ нимъ приведенныя слова пророка. Служить не значитъ засѣдать въ собраніи священниковъ; но значитъ вести жизнь сообразно съ своимъ званіемъ, по заповѣдямъ Спасителя. Наказаніе возрастаетъ съ властію, если можно такъ выразиться. Отъ меня гораздо болѣе потребуютъ чѣмъ отъ діакона; а отъ діакона болѣе чѣмъ отъ мірянина; что же сказать о томъ, кто занялъ верхъ церковной власти?»

Вотъ какъ Оригенъ понималъ обязанность въ различныхъ условіяхъ жизни! Не удивительно, что онъ могъ позволить себѣ требовать отъ другихъ того, что самъ исполнялъ на дѣлѣ. Всѣ его бесѣды свидѣтельствуютъ объ этомъ глубоко христіанскомъ чувствѣ, которое показываетъ, до какой

¹⁾ In Isaiam. VI. n. 1

степени евангеліе проникло въ его душу. Цѣлю всѣхъ его бесѣдъ, можно сказать, служить внутренній человѣкъ, котораго онъ старается образовать своими наставленіями, и при томъ такъ, чтобы внутреннее единеніе вѣрующаго съ Богомъ всегда было непоколебимымъ основаніемъ правственной дѣятельности. Для него внѣшняя и законная праведность не имѣетъ большой цѣны, если она не происходитъ изнутри, если она не есть выраженіе души, приближающейся къ Богу посредствомъ любви. Вотъ почему онъ такъ часто прилагаетъ къ отношеніямъ вѣрующаго ко Христу эти образы супруга и супруги,—образы, которые могутъ показаться раціонализму очень мистическими, но на самомъ дѣлѣ удивительно представляютъ то, что есть самаго глубокаго и деликатнаго въ христіанской психологій. Языкъ оратора принимаетъ очаровательныя краски каждый разъ, когда идетъ дѣло объ образѣ Божіемъ, который мы носимъ въ себѣ, и котораго черты должны отражаться въ насъ во всей своей красотѣ. Нельзя не почитать этихъ страницъ, которыхъ нравственный колоритъ такъ гармонируетъ съ самыми высокими инстинктами души человѣческой.

«Вы должны сдѣлать блистающимъ въ своей душѣ образъ Божій. Это есть образъ, о которомъ Богъ-Отецъ говорить своему Сыну: «сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію». Сынъ Божій есть живописецъ этого образа; и если образъ принадлежитъ такой великой кисти, то хотя можетъ быть потемненъ нашими грѣхами, но не можетъ быть изглаженъ. Хотя мы покрыты прахомъ земли, но образъ Божій существуетъ въ насъ. Когда пожеланіе ослѣпляетъ васъ, вы сообщаете этому образу земной видъ; вы присовокупляете къ нему другой въ ту минуту, когда алчное желаніе золота свирѣпствуетъ въ васъ; потомъ третій, когда предаетесь кровожадной ревности мщенія. Гордость, нечестіе,

всеѣ роды злобы суть также различные црѣтѣ, которые вы собираете для того, чтобы нарисовать земной образъ, совершенно не-похожій на образъ Божій. Вотъ почему мы должны молить Того, кто говоритъ намъ чрезъ пророка: «вотъ Я разсѣю ваши неправды какъ облака, и ваши грѣхи какъ туманъ». Послѣ того какъ вы изгладите эти краски, которыя коварство разлило въ вашей душѣ, возсіяетъ въ васъ образъ созданный Богомъ» ¹⁾).

Вмѣстѣ съ этой первой метафорой, живое воображеніе Оригена внушаетъ ему другую, не менѣе поразительную. «Каждый изъ насъ», говоритъ онъ, «пишетъ въ своей душѣ, и Богъ также пишетъ въ ней. Мы своей собственной рукой пишемъ росписку нашихъ грѣховъ, тогда какъ писаніе Христа напечатлѣвается на плотяныхъ скрижаляхъ нашего сердца не черниломъ, но Духомъ живаго Бога. Тотъ списокъ, который содержатъ въ себѣ итогъ нашихъ долговъ, Спаситель раздралъ на крестѣ; воды крещенія изгладили оный. Перестаньте же писать новые списки, не возобновляйте того, что разрушено; ограничьтесь письмомъ Бога, писаніемъ Духа Святаго».—Оригенъ отличается этими сравненіями, столь способными занять умъ слушателя и рельефно преподать ему урокъ нравственный. Природа и общество представляютъ ему каждую минуту образы, которыми этотъ ораторъ умѣлъ удивительно пользоваться. Оттого его проповѣди имѣютъ форму въ высшей степени популярную, хотя ораторъ развиваетъ въ нихъ самыя высокія истины религіи. Даже когда онъ предлагаетъ предметы болѣе трудные для уразумѣнія, то и въ этомъ случаѣ умѣетъ быть популярнымъ, опредѣляя весьма искусно и въ то же время просто отношенія, которыя могутъ существовать между порядкомъ чувственнымъ и порядкомъ

¹⁾ In Genes. XIII.

духовнымъ. Если онъ хочетъ показать, что есть грѣхи, излеченіе которыхъ можетъ быть достигнуто только послѣ продолжительнаго покаянія, то онъ ищетъ въ разстройствѣ тѣла человѣческаго примѣра для объясненія этой мысли.

«Когда тѣло получаетъ рану, когда въ немъ повреждается кость, или нервы разрываются,—то достаточно одного часа, одной минуты, для того чтобы все это случилось. Но напротивъ—какъ медленно выздоровленіе! какой тогда бываетъ рядъ болѣзней и страданій! Иногда опухоли образуются на мѣстѣ раны, и все тѣло находится въ болѣзненномъ состояніи. Предположимъ теперь, что та же рана, тотъ же изломъ возобновились, и на томъ же самомъ мѣстѣ: какая будетъ мука во все продолженіе леченія! Допустимъ даже, что больной можетъ быть возстановленъ, что его тѣло получить опять прежнюю крѣпость и красоту, несмотря на операціи.—Перейдемъ теперь къ тѣлу души. Каждый разъ когда душа грѣшитъ, она получаетъ рану; ибо грѣхи суть также стрѣлы и мечи, которые ранятъ. Вотъ почему апостолъ увѣщеваетъ насъ вооружаться щитомъ вѣры, противъ котораго безсильны всѣ стрѣлы лукаваго! Итакъ вы видите, что грѣхи суть стрѣлы лукаваго, направленные противъ души. Душа не только подвергнется дѣйствию этихъ стрѣлъ, но для нея также существуетъ переломъ ноги; ибо врагъ разставляетъ сѣти и старается въ нихъ запутать душу. Заключайте отсюда, что необходимо нужно время для излеченія подобныхъ ранъ. О, если бы мы могли видѣть, какъ нашъ внутренній человѣкъ получаетъ язвы чрезъ каждый грѣхъ, и въ какомъ мѣстѣ онъ разможенъ дурными бесѣдами! Развѣ вы не читали этихъ словъ: «они говорятъ, что мечи ранятъ; но не такъ ранятъ какъ языкъ»? Итакъ душа уязвлена языкомъ, уязвлена мыслями и дурными желаніями; она разбита и разстроена дѣлами грѣха. Если бы мы могли видѣть всѣ эти вещи и чувство-

чать мученія души такъ уязвленной,—тогда вѣрно мы противились бы грѣху до самой смерти! Но одержимые демономъ, или тѣ, которыхъ умъ помраченъ, не имѣютъ сознанія о своихъ ранахъ; потому что они лишены естественнаго чувства. Алчное желаніе мірскихъ радостей и опьяненіе, съ которымъ предаемся порокамъ, препятствуютъ намъ понимать то, что грѣхъ производитъ разрушительнаго въ нашей душѣ. Итакъ справедливо, что время покаянія продолжается по мѣрѣ болѣзни, которую надобно лечить, для того чтобы заботы и средства соотвѣтствовали важности нашихъ ранъ» ¹⁾).

Это сравненіе состоянія тѣла съ состояніемъ духа есть одно изъ тѣхъ сравненій, которыя очень часто повторяются подъ перомъ Оригена. Притомъ же мы должны сознаться, что онъ часто повторяетъ одно и то же, и что тѣ же самыя идеи, тѣ же самыя образы очень часто воспроизводятся въ его бесѣдахъ. Впрочемъ иначе и не могло быть съ человѣкомъ, который столько сказалъ и столько написалъ. Его враги не переставали порицать въ немъ то, что Евстафій антиохійскій и Епифаній кипрскій называли «болтовней безъ мѣры». Теофилъ alexandрійскій присоединяется къ нимъ, называя Оригена «сѣятелемъ словъ». Это сужденіе имѣетъ слѣдъ явнаго преувеличенія. Оригенъ никакимъ образомъ не заслуживаетъ этихъ исполненныхъ ненависти отзывовъ. Онъ никогда не говорилъ для пустаго удовольствія говорить, и каждое изъ его сочиненій имѣетъ истинную цѣну. То правда, что краткость и сжатость не были принадлежностію Оригена; но зато рѣчь его была обильна и ясна. Замѣчаютъ темноту въ нѣкоторыхъ частяхъ его твореній; но причина темноты заключается въ самомъ ученіи, которое онъ излагаетъ, а не въ выборѣ выраженій, которыя всегда просты и удобопонятны. То правда, что Оригенъ часто разводитъ свою мысль, представляя ее въ различныхъ формахъ; но онъ это дѣлаетъ для того, чтобъ быть болѣе понятнымъ, чтобъ изчерпать свой

¹⁾ In Num. VIII.

предметъ до малѣйшихъ подробностей;—а въ такомъ случаѣ неизбѣжно было многословіе. Гуэ приписываетъ это многословіе страсти Оригена учить другихъ; но я хочу лучше видѣть здѣсь дѣйствіе благочестивой ревности, которая не умѣетъ ограничиваться извѣстными предѣлами. Человѣкъ, который имѣлъ нужду въ семи писцахъ для записыванія своихъ идей, не могъ имѣть довольно времени для соединенія этихъ идей въ какія либо краткія формулы.

Заклучимъ обзоръ бесѣдъ Оригена замѣчаніемъ объ ихъ тонѣ—смирennomъ и благочестивомъ. Да, Оригенъ, столь смѣлый въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ, удивительно скромнень и даже робокъ предъ тайнами свящ. Писанія. Онъ постоянно обращается къ Богу съ молитвою, когда хочетъ объяснить какой-либо трудный для уразумѣнія текстъ,—и съ неба ждетъ просвѣщенія своего ума и сердца. Это обращеніе къ Богу, излагаемое въ видѣ молитвы, не могло не имѣть самаго живаго дѣйствія на духъ слушателей. Мы приведемъ для примѣра только одну изъ этихъ краткихъ молитвъ, имѣвшихъ особенную прелесть въ устахъ Оригена. Изъяснивъ мистическій смыслъ предметовъ, которые служили для украшенія ветхозавѣтной скиніи, онъ прерываетъ бесѣду, дабы возвести къ Иисусу Христу этотъ голосъ сердца: «Сотвори, Спасителю Іисусе, чтобы я удостоился быть чѣмъ либо изъ того, что можетъ способствовать украшенію твоей скиніи! Я желалъ бы, если бы это было возможно, чтобы Ты нашелъ во мнѣ это золото, которымъ можно покрыть ковчегъ и изъ котораго можно сдѣлать свѣтильникъ. При недостаткѣ золота, я желалъ бы имѣть хотя не много серебра, пригоднаго на устроеніе колоннъ съ ихъ основаніями. Если и этого нѣтъ, то удостой меня быть хотя частію той мѣди, изъ которой вылиты были животныя, служившія для украшенія храма» ¹⁾!

К. С.

¹⁾ In Exod. XIII.